

Чернявская Юлия

Юлия
менестрель

16+

Юлия Чернявская
Имя – менестрель

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Чернявская Ю. В.

Имя – менестрель / Ю. В. Чернявская — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Судьба свела их еще детьми в охваченном пожарами городе, а потом развела. Несколько раз их дороги пересекались на короткое время, чтобы вновь соединиться уже в столице, накануне восстания. Она - последний менестрель королевства, за ее голову назначена большая награда, а саму ее ждет жестокая казнь. Он - верный друг наследного принца, слуга императора. Что ждет их, окажется ли любовь сильнее верности, ведомо только богам. В оформлении обложки использованы иллюстрации с сайта Pixabay.

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Автор выражает глубокую благодарность Тэм Гринхилл за ее творчество. Именно из ее цикла песен о менестрелях и родился этот роман.

Все стихотворения авторские, написаны в разные годы, начиная со школьных времен.

– Он что-нибудь говорит? – дверь пыточной открылась, впуская внутрь главу императорских дознавателей.

Палач и писарь съежились под тяжелым взглядом. Подвешенный на дыбе мужчина лишь рассмеялся.

– Вон, оба, – тихо произнес вошедший.

Палач и писарь быстро покинули камеру, опасаясь, что в любой момент могут поменяться местами с узником. Стража за дверью с готовностью отступила на несколько шагов, также опасаясь попасть под горячую руку начальства.

– Теперь поговорим, – дождавшись, пока закроется дверь, подошел к узнику дознаватель. – Где девушка?

– Не знаю, – равнодушно произнес мужчина. – Можете пытаться дальше, но я вам ничего не скажу.

Дознаватель устало вздохнул. Время утекало как вода сквозь пальцы, а он не продвинулся ни на шаг.

– Слушай внимательно, – наконец, мужчина принял решение, – и больше я повторять не буду.

Он приблизился к мужчине и что-то зашептал ему на ухо.

– Улица Веселой Вдовы, – после непродолжительного раздумья произнес мужчина. – Таверна Игнациуса Бова.

Дознаватель кивнул, потом подошел к столу и начал писать, отчетливо проговаривая слова:

– Въехала в город накануне для выступления...

К тому моменту, как мужчина закончил заносить показания, глаза растянутого на дыбе удивленно округлились.

– Ты ведь подпишешь? – ехидно осведомился дознаватель.

Узник часто-часто закивал.

– Вот и хорошо.

Скрипнула дверь, выпуская второго после короля человека в городе. Вернувшиеся палач и писарь освободили узника и приказали страже привести лекаря в комнату, которую их гость будет занимать, пока не поправится. А по булыжной мостовой уже высекал копытами искры черный конь. Завидев его, редкие прохожие в ужасе отворачивались, не желая знать, куда поскакал его хозяин.

Часть 1

Пятнадцать лет назад.

Город горел. А те дома, что пощадил огонь, не пощадили люди в доспехах с черным соколом на груди и щитах. Они выбивали двери, врываются внутрь, скидывали в мешки то, что имело хоть какую-то ценность, насиловали, а после выволакивали на улицу женщин и девочек, убивали стариков, мальчиков и мужчин. Король Родериус не просто отдал город на разграбление армии. За то, что они сопротивлялись несколько недель, его величество приказал никого не щадить. Ему нужны были пустые стены. Что уцелеет – повезло. Нет – новые, покорные его воле жители отстроят заново. Жги, грабь, убивай! Вот девиз захватчиков.

Где-то все еще шло сопротивление. Люди, понимающие, что пощады ждать не стоит, до последнего защищали свои дома и детей. Женщины подхватывали оружие из рук павших мужей и братьев. В другой же части всюду рыскали мародеры, заглядывая по несколько раз в одни и те же дома. Где-то слышались надрывные женские крики, детский плач, неожиданно обрывавшиеся – захватчики не щадили никого.

Ниса сжалась в комок в своем укрытии, прижимая к груди куклу, и тихонько напевала ей все баллады, которые исполнял сначала отец, а потом и братья. От этого было не так страшно. Сквозь щели между большими каменными блоками какое-то время пробивались лучи солнца. Потом стемнело. Когда все успокоится, она попытается покинуть свое убежище на складе каменотеса и уйти из города, как и договорились с мамой. Солдаты перепьются и уже будут не столь внимательны. А маленький ребенок не должен вызывать подозрений.

С улицы все реже слышались крики и плач женщин и детей, хохот мужчин, стоны раненых и умирающих. Иногда мимо пробегали люди. По звону железа Ниса понимала, что это солдаты Родериуса. Несколько раз дверь ее убежища открывалась. Жаждающие добычи солдаты осматривали заполненное каменными блоками помещение, бросали факел и уходили. Факел догорал, не причиняя никакого ущерба, и в помещении вновь воцарялась темнота.

Нисе хотелось есть, а еще больше пить, но девочка понимала, что покидать ненадежное убежище еще нельзя. Она обещала отцу, что расскажет об осаде Ривгарда, а если ее схватят, то она не сможет выполнить обещание. Кто, кроме нее видел, как отец, известный менестрель, опускал в пламя очага лютню и со слезами на глазах смотрел, как огонь поглощает, нет, не инструмент, а частицу его самого? Как братья надевали доспехи и примерялись к копьям и коротким мечам? Как мать, красавица танцовщица, носила на стену камни и дрова, перевязывал раненых? И как сама она, маленькая Ниса, дрожащим и срывающимся голосом пела людям незатейливые детские песенки, любовные романсы и героические баллады, чтобы хоть как-то поддержать их? Вот только вместо улыбок песни эти вызывали у людей слезы. А потом началась осада.

Две недели войска захватчиков забрасывали город камнями, стволами деревьев и трупами. И город пал. Кто-то, не выдержав, подсыпал воинам сонного зелья и ночью открыл ворота. Враг вошел. После чего началась резня.

В очередной раз открылась дверь склада. Девочка сжалась в своем углу, но никто не вошел. Лишь очередной факел упал на каменный пол. Ниса успела заметить, что снаружи темно. Значит, надо попытаться выбраться, пока ее не нашли. Еще немного, и захватчиков сморит усталость или одолеет хмель. Так ей сказала мама. Тогда можно будет попытаться выбраться из города.

– Я проверю это здание и приду, – донесся до девочки голос. В следующий миг кто-то снова открыл дверь. Предыдущий факел не успел догореть, и Ниса заметила мальчишку чуть старше среднего брата. Он обернулся, словно разговаривал с кем-то. – Но все, что я тут найду,

ваше высочество, будет исключительно моей добычей, которой я смогу распорядиться, как захочу. А вы можете и дальше сомневаться.

Выслушав ответ, он вошел внутрь, освещая себе путь. В дверях остался воин в доспехах, лишь немного беднее тех, что были на юном воине.

Ниса сжалась в своем укрытии, понимая, что не сможет долго там прятаться. Мальчик взял у сопровождающего два факела, один бросил в стороне от уже имевшегося, чтобы помещение освещалось как можно лучше, а с другим принялся осматривать здание.

Между тем дверь закрылась, оставляя девочку в ловушке. Если сначала она еще могла надеяться, что проскочит мимо воина в доспехах, то теперь у нее ничего не получится. Ниса сжалась под двумя стоявшими под углом глыбами мрамора, одной рукой зажав себе рот и моля небо, чтобы ее не заметили, и крепко прижала к груди куклу.

Шаги раздались рядом с ее убежищем. Свет медленно заползал под камни. Девочка постаралась забиться в щель, но это было под силу только мыши или таракану. Юный воин осторожно заглянул за одну из мраморных глыб и улыбнулся.

– Привет. Я тебя нашел, – спокойно произнес он, будто каждый день общался с маленькими перепуганными девочками. – Вылезай.

Ниса только помотала головой и еще крепче прижала к себе куклу.

– Что там, Айр, – окликнули его от двери, которая, судя по скрипу, в очередной раз открылась.

– Ребенок, – ответил он. – Чуть младше твоей сестры, Доран. Перепугана до невозможности.

Новые шаги и к убежищу подошел второй мальчик, немного старше первого в одежде, украшенной драгоценными камнями.

– И что ты собираешься с ней делать? – оглядев находку приятеля, поинтересовался он.

– Не твое дело. Ты говорил, что тут нет ничего кроме камня.

Ниса смотрела то на одного мальчика, то на второго, и ей стало еще страшнее. Она знала, что все мальчишки любят играть в войну. Братья не были исключением, хотя отец, известный менестрель, старался передать им все свои знания и привить умения. Но девочке было странно видеть ребят примерно одного возраста со средним из трех братьев, в доспехах и с настоящим оружием. Ей было страшно. Много страшнее, чем когда мать приказала уходить и прятаться, а потом постараться уйти из города, и вообще из страны.

– Выходи, – повторил первый парнишка. – Скоро пожар доберется и до этой части города. Здесь опасно оставаться.

– Здесь каменный дом, – осмелилась возразить Ниса. Голос не слушался, получилось, что она громко прошептала.

– Здесь будет очень жарко и много дыма, – продолжал убеждать ее мальчик. – Выходи. Обещаю, я не обижу тебя. И куклу не отберу.

– Ваше высочество, ваше сиятельство, – раздалось от входа, – поторопитесь. Огонь близко. Нам еще надо покинуть город, пока это возможно.

Девочка зажмурилась, потом открыла глаза и протянула руку. Второй она продолжала крепко прижимать к себе куклу.

Охрана только покосилась на девочку, но ничего не сказала. Не их это дело – обсуждать поступки господ. Им поручили следить, чтобы с его высочеством и его родственником ничего не случилось. С этой задачей они благополучно справлялись. Пара воинов, принявших сына правителя за добычу, валялись где-то на улицах с распоротыми животами. Никаких угрызений совести по этому поводу охрана не испытывала. Им вообще не было знакомо такое чувство.

Два шатающихся воина вырулили из переулка. Оба были достаточно грязны и пьяны, однако искра разума еще не потухла от обилия возлияний. Завидев двух подростков и трех стражей в форме королевской гвардии, они постарались вжаться в стену только бы не привле-

кать к себе лишнего внимания. Что за ребенок был с ними, и был ли вообще, воины предпочли не замечать. Один из стражей скользнул по ним взглядом, словно разделявая, после чего отвернулся.

– Кажется, мне надо выпить, – просипел один.

Второй только согласно кивнул, отлепляясь от стены. Шатаясь, они скрылись в том переулке, откуда пришли.

Лагерь успели перенести ближе к городским стенам. Плотники вовсю трудились в свете костров и факелов. Стук топоров гулко разносился над полем. Его высочество сделал знак страже, и те, проведя своих подопечных до первого кольца часовых, молча исчезли. Дальше можно было не беспокоиться, что с подростками что-то случится. Его величество накануне распорядился оставить в охране самых верных людей, готовых применить оружие и против врага, и против своих, обезумевших от вина, насилия и крови.

Принц сразу отправился в свой шатер. Айр же свернул к кострам. Возле одного сустились женщины. Некоторые, подоткнув подола, мыли посуду и котлы, другие резали мясо и овощи, продували крупу. Одна из них попутно заигрывала с кем-то из командования. Заметив подходящего парнишку, тот что-то шепнул ей, шлепнул рукой по заду и удалился.

– Его высочество в шатре, – холодно бросил Айр. Одна из женщин тут же встрепенулась и бросилась собирать ужин. – Мне как обычно, и вот ей, – он вытащил в свет костра девочку, – что-нибудь. Да воды не забудьте теплой, а не кипятка или ледяной, как за вами водится. И смотреть мне.

Последний намек был произнесен так, что не оставлял сомнений. Если что-то будет сделано не так, как требовалось, кара будет неминуема. Наградив напоследок всех тяжелым взглядом, мальчик повел Нису в сторону еще одного шатра.

В молчании они вошли внутрь. Мальчик хлопнул в ладони, и вскоре вбежал слуга. Он быстро зажег свечи, после чего смерил девочку взглядом и молча вышел.

– Сейчас воду принесут. Вымойся. Я пока тебе найду одежду.

И хозяин шатра вслед за слугой вышел наружу. Вернулся он не то, чтобы скоро, но служанок с водой еще не было. Увидев, что девочка так и стоит в обнимку с куклой, он положил сверток с одеждой на походную постель, и покинул шатер. Через считанные секунды внутрь вбежали женщины. Они отодвинули устилавшие пол ковры, поставили корыто.

– Просим вас, юная госпожа, – прошептала одна из них.

Девочка не сразу поняла, что обращаются к ней. Только когда женщины забрали у нее куклу и начали раздевать, до Нисы дошло, что ее будут мыть. Она не сопротивлялась, хотя еще утром мама заставила их всех вымыться и переодеться. Но прошло много времени, а на складе было слишком много пыли.

Когда девочка была вымыта, прислужницы вынесли воду, вновь застелили пол шатра и удалились. Обратно вернулось уже меньшее количество женщин. Они принесли еду. Одна служанка быстро одела Нису, после чего та забилась в угол, вновь прижав к себе куклу, а остальные принялись накрывать стол. Когда все было готово, они окончательно удалились, оставив девочку одну.

Долго пробыть одной она не успела. Вновь отогнулся полог, и в шатер вернулся его хозяин. Он внимательно осмотрел сначала свою добычу, испуганно оглядывавшую его из своего угла между сундуком и походной кроватью, потом перевел взгляд на стол.

– Хочешь кушать?

Девочка кивнула.

Парень отрезал кусок хлеба, потом мясо, счистил излишки специй и пригоревшую часть, после чего положил рядом с одной из тарелок.

– Иди сюда, – показал он на свободный стул.

Девочка нерешительно приблизилась. Казалось, одно резкое движение, и она снова забьется в угол, но нет, запах от котелка в центре стола оказался настолько соблазнительным, что Ниса не смогла ему противиться. Она забралась на стул, устроила на коленях куклу и внимательно посмотрела на хозяина шатра.

Мальчишка привык отдавать приказы, это угадывалось в нем с первого взгляда. И это пугало. Мать всегда предостерегала, что от таких людей надо держаться как можно дальше. Особенно людям их профессии. Потому что такие люди могут заплатить золотом, приказать высечь на конюшне, а то и вовсе отправить в камеру без суда и следствия. И сейчас девочка не знала, что делать. Пока она слушается его, ничего страшного не должно произойти. Но что потом? Сможет ли она сбежать, найти маму или добраться до тетки, которая жила в деревне далеко отсюда, не будут ли ее искать. Слишком много вопросов, а она еще мала, чтобы четко представлять, как оно будет дальше.

Раньше все решали отец и мать. Иногда после продолжительных ссор, но решение принималось ими. Старший брат последнее время стал полноправным участником семейного совета, только принять успел одно единственное решение – пойти в городское ополчение. Жив ли он теперь – неизвестно.

Между тем это самый Айр успел наполнить ее тарелку тушеными овощами. И откуда только все это берется в походе? Обычно овощи семья Нисы позволяла себе на постоянных дворах или в городах, а в пути питались кашей, вяленым мясом, которое приходилось или долго размачивать, или грызть так, соскребая кристаллы соли. Изредка их рацион пополнялся травами, в основном в теплое время года. Насколько девочка знала, ни одна армия никогда не возила с собой овощи. Все то же вяленое мясо, крупы, специи и сушеные травы. Значит, этот мальчишка принадлежит к знати. Только они могут позволить себе такие изыски. Или это все просто забрали в городе?

– Ешь, – он придвинул тарелку ближе к ней, положил ложку. – Можешь на время оставить куклу. Обещаю, я не буду ее забирать.

Девочка еще раз внимательно посмотрела на своего временного хозяина, потом взяла ложку и принялась торопливо есть, пока ей предоставили такую возможность. Мальчишка только усмехнулся, после чего и сам принялся за еду. День выдался жарким, пару раз им даже пришлось вступить в бой, пусть его величество Родериус и не хотел, чтобы наследник и его друг участвовали в сражении.

Пока девочка ела, хозяин шатра осмотрелся. Надо было придумать, куда уложить свою находку. Его кровать для девочки не подойдет – слишком жесткая, да и оружия в ней припрятано много. Мало ли случайно заденет что, порежется. Нет, надо придумать что-то другое, более подходящее для маленького ребенка. Вон, за куклу свою цепляется. Положила рядом с тарелкой, словно боится, что отберут. Хорошо бы ее родителей найти. Наверное, убежала, или с поручением куда послали, а тут штурм. Вот и спряталась, где смогла. Ничего, через несколько дней все успокоится, и можно будет попробовать осторожно навести справки, чей ребенок. Не таскать же ее с собой. Тем более принцу он сказал, что все, найденное на складе, его. Значит, может забрать эту девочку с собой, может оставить в городе.

Пока подросток размышлял, а девочка осторожно ковыряла ложкой в тарелке, откинулся полог шатра, и внутрь с поклоном вошел один из воинов, что стоял при входе на страже.

– Ваше сиятельство, прибыли люди от его высочества с постелью.

– О, – радостно улыбнулся мальчишка, – пусть заносят.

Воин удивленно обозрел шатер, потом заметил девочку, чуть прищурился, после чего молча вернулся на свой пост. Присланные люди внесли в шатер невысокое походное ложе, которое стало мало принцу, но все еще следовало за ним в обозе. Повинуясь жесту мальчишки, люди установили постель на оставшемся свободном месте у стен.

– Передайте мою благодарность его высочеству, – произнес парнишка.

Люди поклонились и молча удалились из шатра. А Айр трижды хлопнул в ладоши. Через несколько ударов сердца в проходе возник мужчина в добротном кожаном доспехе, с проседью в коротко стриженных волосах и бороде.

– Да, ваша светлость?

– Прикажи людям добавить с этой стороны шатра, – он указал на место, где предстояло ночевать девочке, – еще слой или два ткани. Не хочу, чтобы моя гостья замерзла.

– Хорошо, – мужчина посмотрел на девочку, вновь прижимавшую к себе куклу, ласково улыбнулся ребенку, соорудил ей забавную рожу и удалился.

– Испугалась Кштана? – улыбнулся парнишка. – Не стоит. Он хороший. Отец его ко мне приставил, еще когда я ходить учился. Ты доедай, и будем ложиться. Воины просыпаются рано. А тебе надо отдохнуть.

Ниса послушно взялась за ложку. Сам мальчишка подошел к сундуку и принялся снимать доспехи. Без них он оказался довольно худым, но более симпатичным. Исчезла напускная строгость. Заметив, что девочка следит за ним, Айр скорчил ей рожу. Вышло не так забавно, как у Кштана, но все равно заставило Нису улыбнуться.

После того, как она доела, Айр позвал слуг. Те быстро убрали со стола, снова скептически посмотрели на девочку, после чего поспешили покинуть шатер. Парнишка проследил за ними взглядом, но промолчал. Эти люди прислуживали ему только потому, что так приказал его величество Родериус, решивший немного позаботиться о своем дальнем родственнике. Будь это его люди, мальчик устроил бы им как минимум выволочку, поскольку легко можно было догадаться, о чем они подумали. Сейчас же оставалось только пожать плечами и забыть. Пусть думают, что хотят. А ему самому стоит привыкнуть к перешептываниям за спиной. Его ждет служба у его величества, а при дворе любят перемывать кости.

На следующий день Айр привычно проснулся рано. Возле шатра его уже ждал слуга с ведром воды. Мальчишка быстро вымылся, растерся полотенцем, после чего вернулся обратно. Доспех он давно научился надевать без посторонней помощи. Все-таки не рыцарские латы. Да и они постепенно уходят в прошлое. Слишком неудобны, разве что красоваться на турнирах. На поле боя же куда удобнее в кожаном доспехе, можно кольчугу поверх надеть. Куда маневреннее.

Родериус первым из правителей отказался от применения тяжелой пехоты или конницы. Его воины освоили новую тактику боя, или сшибая неуклюжих рыцарей с коней, или пользуясь моментом и подбираясь со спины. Там они ловко разрезали завязки, которыми крепились доспехи, и противник оказывался беспомощным. Этих воинов не убивали, предпочитая взять в плен, а после требовать от родственников выкуп деньгами или услугой. Возможно, не самый честный способ, но война сама по себе не честное занятие. Солдаты убивают не только друг друга. Они грабят, насилуют и убивают жителей захваченных городов и деревень, пьянствуют, поджигают дома, оскверняют храмы. Так о какой еще чести может идти речь. В бою прикрывая себя и своего соседа. А противник – это противник. Не ты его, так он тебя.

Ниса проснулась и теперь сидела на постели, обнимая куклу, глядя большими глазами на полог шатра. Мысленно парнишка отметил, что не помешает найти ребенку новые вещи. Но это потом, если не получится сразу пристроить ее в городе. Пока же можно обойтись и так. Вроде не из высокородных девиц, те бы сразу капризничать начали. По своим кузинам знает. Какое-то время перебьется. А там будет видно. Сейчас же надо ее разговорить, чтобы она рассказала о своей семье. Если вдруг в городе никого не осталось, может, в окрестных деревнях хоть какая-то родня обретается.

К большому сожалению парнишки, в этот раз в город ни принца, ни его никто не пустил. Протрезвевшие солдаты сползались в лагерь. Королевская гвардия наводила порядок на улицах, а специальные подразделения полкового сыска выслушивали доносы граждан и выявляли тех, кто призывал оборонять город, не пускать врага, тех, кто был самыми стойкими защитни-

ками, но не успели погибнуть в сражении. Участь этих людей была предрешена. Стук топоров знаменовал, что плотники уже возводят перед воротами виселицы. Петель должно хватить на всех. Ведь не обязательно каждому свою. Достаточно снять тех, кто уже висит. На другой стороне лагеря, рядом с болотцем пленные копали яму. Туда потом сволокут казненных и завалят землей. Им там самое место. А коли в болоте окажутся, или зверье какое докопается – какое захватчикам до того дело. Главное, подальше от города, чтобы вид не портили.

Но, если не получается попасть в город, можно напроситься с пленниками пообщаться. Против такого возражать никто не стал. Разве что надсмотрщики бросали косые взгляды. Но их дело малое, следить, чтобы пленные не разбежались. Когда они свою работу выполнят, погонят их в столицу, на самый большой невольничий рынок вместе с теми женщинами и детьми, что ожидали своей участи в клетках в небольшом лесочке.

Как ни надеялся Айр, что девочка сможет провести какое-то время в шатре без него, оставаться она не стала. Просто пошла следом. Пришлось взять ребенка за руку, чтобы кто-то случайно не отправил в загоны для рабов. Все-таки находились они не в лагере с простыми солдатами, которые ребенка накормят сахаром и будут вырезать ему грубую деревянную игрушку из первой попавшейся чурки.

Внутренний лагерь занимали аристократы, которым ничего не стоит схватить чужого ребенка и продать в рабство только потому, что это ребенок врага. Король поощрял такое поведение верных ему людей, списывая все на нужды военного времени. Вот потом, когда поход закончится, практику эту мигом прекратят, а тех, кто попытается и дальше зарабатывать рабовладением, будут ждать всевозможные кары. Потому что продавать своих нельзя. Эти же люди чужие, враги. Самому мальчишке все это не нравилось, но кто он такой, чтобы указывать монарху? Всего лишь приятель его сына, пусть случайно по глупости принесший ему присягу. И кто будет слушать какого-то там юнца, что ему нравится, а что он. Ведь он даже не оруженосец. Из-за присяги вынужден сопровождать наследника.

Разговор с пленниками не принес результата. Они равнодушным взглядом окидывали ребенка, сидевшего рядом с деревом и что-то рассказывавшего кукле, после чего так же равнодушно пожимали плечами. Лишь одному мужчине с перевязанной куском какой-то тряпки головой, показалось, что он видел ее возле раненых. А может, не ее, а другого ребенка. Та не такой забитой была, песенки пела. Кажется, та дочкой менестрелю приходилась. А кто это такая, он сказать не может.

На этом розыски и закончились. К пленным женщинам Айр не пошел. Мало ли какая примет за своего ребенка, хорошо, если спрятавшегося, а то и убитого у нее на глазах. Такой шум поднимется, что придется девочку отдавать мнимой матери. А что ее потом ждет – лучше не думать. Мордашка у ребенка симпатичная, значит, купит какой любитель детей, и через полгода выбросит на улицу, если к тому времени жива будет. А может и еще чего хуже быть.

Оставался только один вариант – расспросить саму девочку. Как-то он не удосужился узнать ее имя. Но ничего, это не поздно сделать и сейчас. Главное, найти спокойное место, чтобы ни солдат, ни пленников рядом. Далеко уходить тоже не стоит, мало ли какие неприятности можно найти на свою голову и не только. Охрану он не брал, так что судьбу искушать не стоит. В будущем еще пригодится ее расположение.

Оглядевшись, мальчишка повел свою находку в сторону небольшой рощи, которую только чудом еще не пустили на дрова. Наверное, не обошлось без приказа его величества. В противном случае там даже пней бы не осталось. Армия, словно саранча, уничтожала любую растительность, которая могла гореть, и на которой можно было приготовить еду.

На счастье парнишки, роща оказалась пуста. Да и что там делать простому солдату. Эти люди чужды всякой романтики. Во всяком случае, на войне. Нет, где-то глубоко внутри они вовсе не зачерствелые чурбаны, выполняющие только один приказ – убить врага. Но сейчас

они стараются не выпускать свои чувства, чтобы самим не оказаться убитыми. Мальчик бросил на траву свой плащ, уселся сам и показал девочке устроиться рядом.

– Думаю, нам с тобой надо поговорить, – улыбнулся он ей. – Для начала, как тебя зовут? Меня вот Айром.

– Ниса, – девочка посмотрела на него и похлопала глазами.

– Красивое имя, – действительно, оно шло малышке с большими синими глазами и светлыми, скорее всего выгоревшими на солнце, волосами. – А где твои родители? Чем они занимались?

– Папа и братики ушли воевать, – словно заученно ответила девочка, – мама раненым помогала, а я под ногами мешалась, потому что маленькая. И песенки иногда людям пела.

От этой детской наивности пареньку захотелось рассмеяться. Ну да, старшие на стенах, мать тоже при деле. А куда девать ребенка – непонятно. Таскают за собой туда, где безопасно, и только ругаются, когда она пытается себя как-то занять. Он тоже был таким. Отец постоянно брал его с собой ко двору, и тоже постоянно ругался, что сын не делает ничего полезного, только путается у всех под ногами и отвлекает от работы. Но как быть, когда вокруг столько интересного, и хочется спросить у людей, что это такое.

– А как ты на складе оказалась? – он решил, что вспоминать будет потом, когда вернется домой из похода, и снова вернулся к делу.

– Мама меня отвела туда, когда начало все гореть. Сказала, там безопасно. Там гореть нечему, а я маленькая, и если кто-то заглянет, меня не найдут. И если все будет хорошо, они придут за мной. А пришел ты.

Последние слова прозвучали несколько укоризненно. Настолько, насколько это возможно в устах ребенка. Но что делать, если пожары подступали к складу? Оставить ребенка задыхаться в дыму, или забрать, а потом уже попытаться найти его семью? Наверное, Айр бы не стал уговаривать малышку, оставил на месте, если бы его собственная сестра не погибла в пожаре. Память навсегда сохранит крики ребенка, отрезанного от взрослых стеной огня. Мужчины были на охоте, когда случилась трагедия, слуги пытались тушить огонь. Его самого и мать удерживали служанки. Он помнил, как Лизбет, совсем еще кроха, тянула к ним ручки, и ничего не могли сделать. Матери было плохо, а его, наследника, никто не пускал. Потому что других детей у родителей больше не будет, если с ним что-то случится. Вот и не смог пройти. Король прошел бы, даже если бы ребенок плакал и звал на помощь. Этого же он требовал от него, Айра. Но, увы, пока не получалось. И не получится, мысленно признавался себе мальчишка. Лизбет будет всегда стоять перед глазами.

– А они не говорили тебе, что делать, если вдруг никто не придет? – решил попытать счастья Айр.

– Тогда мне надо попросить кого-нибудь, чтобы мне показали, где находится таверна «Красный дракон», – девочка сорвала несколько цветков и принялась доплетать веночек, начатый, пока мальчишка общался с пленниками. – Она недалеко от города.

– Это сложенная из бревен, с большим нарисованным во всю стену драконом? – кажется, парнишка накануне видел эту таверну.

– Да. С большим красным драконом, – обрадованно подтвердила Ниса. – Ты знаешь, где она?

– Боюсь, ее больше нет, – когда он видел эту таверну пару недель назад, воины вытаскивали оттуда за волосы двух молоденьких девушек в одних разодранных рубахах, а внутри занимался пожар. – А больше тебя некуда отвести?

– К тетке, – обреченно произнесла девочка. – Она в деревне живет. Но это почти у Равел-трая, – старательно выговорила она название еще одного города, который не так давно пал под натиском войск Родериуса. – Там от города надо еще или долго идти через лес, или ехать. Деревня Косые Сосны называется.

Айр только вздохнул. Далеко. Но выбора у него нет. Если не отправить девочку к родне, ею заинтересуется король, хотя, скоро он уже провозгласит себя императором. Придется посылать Кштана. Нелегко придется без верного слуги, но никому другому он не сможет поручить эту миссию. А предлог можно любой придумать. Ну и на случай расспросов сказать, что девочку поместил с другими рабынями. Кто проверять будет? Его будущее императорское величество только порадует.

– Что ж, скорее для себя, чем для Нисы, решил мальчишка, – придется тебя к тетке переправить. Армия тут еще пару дней простоит. Если семью твою не найдем, поедешь с Кштаном.

Девочка подняла голову и испуганно посмотрела на него.

– Не хочу к тетке, – венок оказался смят сжавшими его маленькими пальчиками. – Она ругаться будет. На маму с папой всегда ругалась, на братиков, теперь и на меня будет.

– Что делать, – паренек вздохнул. – Оставить тебя с собой я не могу. Решат, что ты моя рабыня. А то и вовсе кто-то украдет и продать решит. В городе сейчас одной не безопасно будет. Лучше к тетке, чем на корабль и неизвестно куда.

Девочка вздохнула, потом кивнула согласно и принялась приводить в порядок немного потрепанный венок.

– А в город мы пойдем?

– Пойдем. Завтра вечером. Утром будут казнить тех, кто возглавлял защитников. А потом будет два дня, чтобы поискать твоих родителей или кого-то, кто знал вашу семью. Может, все образуются.

Сам Айр не надеялся, что они смогут найти хоть кого-то. Не первый день он был с войском, чтобы догадываться, в городе останутся только те жители, которые смогли надежно укрыться и переждать первые дни. Или жители самых грязных трущоб, куда брезгают заходить даже войска. И не потому, что им там могут дать отпор, а чтобы потом не выяснять, какая болезнь поползла по армии.

После разговора они вернулись в лагерь. Там Айр позвал верного слугу и кратко проинструктировал того, что нужно сделать. Мужчина смерил ребенка пристальным взглядом, от чего девочке стало немного неуютно, потом улыбнулся и вытащил откуда-то деревянную лошадку. Ниса несмело приняла подарок. Фигурка была выстругана из какой-то деревяшки, явно за короткое время, и пахла табаком. Но это была настоящая игрушка. Такие она иногда видела в лавке, но их семья не могла позволить себе покупать многие вещи, поскольку долго на одном месте не задерживались. А в дороге вещи эти обузой становятся. Вот и приходилось Нисе мечтать о красивых куклах, которых можно было бы переодевать, меховых зверюшках, набитых ветошью, деревянных животных. У девочки была кукла, братья довольствовались коробкой солдатиков на троих.

Зато у нее была своя маленькая лютня. Но она осталась в таверне. Вечерами отец занимался с детьми, учил играть на разных инструментах. У Нисы пока не хватало сил зажимать лады, но она с легкостью запоминала мелодию и текст. «Если помнишь, как оно должно звучать, музыку подберешь без труда, – постоянно напоминал им отец. – Главное, все должно храниться у вас в голове».

Тетка занятие отца не одобряла. Ее муж вел жизнь оседлую, дальше ближайшего города никуда не выбирался, и не понимал, как можно всю жизнь провести в кибитке да по постоянным дворам. А вот мать Нисы с легкостью променяла деревню на дорогу. Можно сказать, от алтаря сбежала. Ее сосватал в жены мельник, что жил между деревней и городом, у большой запруды. Первая жена его умерла, оставив двоих сыновей.

Красавица Дайнэ долго не размышляла, когда приглашенный на свадьбу музыкант предложил ей убежать. И потом ни разу не пожалела. Ни когда первого сына рожала в поле под кустом, ни когда младшую дочь в пути на свет производила. И на заботы не жаловалась. У мельника ей пришлось бы полы мести, постоянно мукой да пылью покрытые, посуду мыть да

отстирывать белье и старые мешки. В дороге были свои заботы, но воздух всегда был свеж, а сердце пело. Обделенная голосом, Дайнэ быстро выучилась танцевать, и их с мужем выступления всегда собирали множество зрителей.

Периодически девочка думала, не сбежать ли ей. Но Айр или слуги постоянно присматривали. Не столько за тем, чтобы Ниса не убежала, сколько чтобы ее не похитили. Мальчишка сообщил, что лично разберется со слугами, упустившими его находку, на радость Родериусу. Пусть даже ему потом придется возместить ущерб его высочеству.

К вечеру стихли стук молотков и визг пил, плотники закончили свою работу. Под стенами города возникли несколько десятков виселиц, на которых должны были окончить свою жизнь те, кто защищал город. Утром солдаты стонят на стены немногих оставшихся жителей, чтобы те воочию убедились, какая кара ждет людей, выступивших против Родериуса. Словно урок на будущее тем, кто еще не склонил свою голову. Повод задуматься, стоит ли сопротивляться, потому что никто не будет слушать мольбы о пощаде. Участь сопротивляющихся давно предreshена.

Когда Айр и Ниса возвращались в шатер, девочка долго смотрела на возведенные конструкции, но ничего не сказала. Только когда слуги принесли еду и вновь оставили их одних, она тихо задала мучивший ее остаток вечера вопрос:

- Тебе надо быть на казни?
- Вообще-то я не обязан, – пожал плечами мальчишка. – А что?
- Ну, – она замялась, – вдруг там будет кто-то, кого я знаю.

Айр внимательно посмотрел на девочку, но она принялась изучать содержимое своей тарелки, периодически подкармливая куклу и лошадку. Понятное дело, ее подопечные ничего не ели, и все отправлялось в рот ребенка, но считалось, что кушают именно они.

Идти на казнь мальчишка не собирался. Поскольку в войске он даже не в свите принца, а так, исключительно за компанию с Дораном, то можно было бы проваляться в шатре, или найти себе важное дело на другом конце лагеря. Теперь же ему придется идти и смотреть на все это. Не сказать, чтобы Айр никогда не видел казней, но он не любил их. Можно убить человека в бою, защищая свою жизнь, можно казнить преступника. Но предать смерти несколько десятков, а то и сотен людей просто потому, что они не хотели открывать врагам ворота, это бессмысленная жестокость. Наследник оправдывал это политической необходимостью. Но сам считал, что куда полезнее было бы взять у глав городов заложников из родных, а тех, кто противится, не убивать, а отправлять на работы в рудники, на лесоповалы и еще куда-то. Просто потому, что так выгоднее государству.

Жестокость отца все чаще казалась принцу излишней. Однажды он даже попытался намекнуть на это, но максимально вразумительный ответ, которого смог добиться: «После моей смерти ты можешь делать что хочешь, пока же правлю я». Больше принц не вмешивался в дела отца. Но фразу эту запомнил и нередко напоминал отцу.

Очередная ночь прошла спокойнее. Тише так точно. Пленники если и не смирились со своей участью, то хотя бы прекратили оплакивать свою долю и погибших близких. Разве что одна женщина продолжала сорванным голосом звать погибших сына и мужа. Но, если в первые часы ее слышали по всему лагерю, то к исходу второго дня лишь те, кто находился рядом. Да охрана, следившая, чтобы сами пленные не навредили друг другу. Им-то ничего не будет, а вот хозяева с тех, кто клетки охраняет, потом спросят за сохранность своего имущества.

Те, кого должны были казнить, содержались отдельно, неподалеку от стен города, но на расстоянии, чтобы вовремя успеть заметить лазутчиков, решивших спасти заключенных. Приговор был один на всех – злоумышление против его величества Родериуса, отказ повиноваться его приказам и сдать город. Кара тоже была едина – смерть. Из города уже выгоняли чудом уцелевших женщин, мужчин, преимущественно стариков или тех, кто в силу каких-то причин

не годился на продажу. Все были усталы, грязны и оборваны. Кто-то прижимал к груди чудом спасшихся детей, не разбираясь, свои это или чужие. Люди сбивались кучками, кто кого знает, или успел узнать, прячась от солдат. Они медленно выходили из ворот, заполняя пространство между лагерем и виселицами.

Айр выбрал для наблюдения место несколько в стороне от того, куда стогнали людей. Небольшой холм с тремя чахлыми елями и какими-то кустами отлично подходил, чтобы наблюдать за казнью, самому оставаясь не замеченным. Шестое чувство подсказывало, что так будет лучше, чем занимать положенное ему место среди приближенных Родериуса. Вдруг Ниса, в самом деле, узнает кого-то. Не хотелось бы, чтобы девочку отправили к рабам или, что еще хуже, к знакомым.

Туда они и направились, когда лагерь опустел. Не было даже женщин, что, устраиваясь в обозы поварами или прачками, сопровождали армию. Кто-то обязан был присутствовать в силу своего положения, а кому-то хотелось зрелища, не важно какого, было бы что потом обсудить с товаркой во время очередного перехода. Как Айр и рассчитывал, со стороны небольшой трибуны, сооруженной специально для его величества, видно их не было. Простые люди следили за дорогой от города до помоста, чтобы не пропустить появления обреченных. Даже солдаты, которые должны были присматривать за порядком, а также за тем, чтобы пленных не попытались отбить, не сильно вертели головами. Кому тут пытаться покушаться на короля? Старухам и подросткам?

Мальчишка постелил девочке одеяло, а сам остался стоять, периодически осматриваясь, чтобы никто не подобрался к ним незамеченным. Но вот забили в барабаны, и от города к помосту потянулась вереница оборванных людей. Некоторые с трудом шли сами, и, если бы не помощь товарищей по несчастью, остались бы лежать на дороге. И еще неизвестно, кому повезло бы больше. Рядом с ними шли воины, назначенные в охрану пленникам. Все они держали руки на рукоятках мечей, не спеша обнажать оружие без лишней надобности.

Вот колонна достигла помоста. Уцелевших защитников город было много, куда больше, чем стоявших виселиц, но Айр уже знал, едва одни обреченные перестанут трепыхаться, как веревки перережут, перекинут новые петли, а тела оттащат в вырытые накануне ямы. И не важно, выжил ли кто-то или нет. Даже если пленник не успел задохнуться на виселице, он умрет позднее.

Едва на дороге появились люди, Ниса устремила взгляд в ту сторону. Но различить хоть кого-то в толпе не представлялось возможным. Вот затихли барабаны. Вместо них взревели рога. Толпа замерла. Со своего места поднялся король Родериус. Айру был виден край пурпурной мантии, отороченной мехом дикой кошки. Ходили слухи, что король сам убил животное, сражаясь одним кинжалом. Мальчишка больше верил принцу, который считал, что мех был куплен у одного из заезжих торговцев. Едва король выпрямился, все стихло.

На расстоянии было не понятно, что происходит, да и ветер дул в сторону трибуны. Но сам Айр точно знал, сейчас его величество рассказывает новым подданным, как им повезло. Отныне они будут под рукой мудрого и справедливого правителя. Да, не все смогли понять, какая честь им оказана, и они злоумышляли против власти. Потому, в назидание прочим, он, Родериус, вынужден казнить их, хоть сердце его и против такого шага. Но то будет уроком для тех, кто вздумает выступить против властителя.

Сам Айр считал эти речи даже не лицемерием, потому что лицемерным Родериуса назвать было сложно. Он был жесток, безжалостен, резок, но не лицемерен. Просто потому, что ему не перед кем было лицемерить. Но он был расчетлив. Казнь такого количества людей должна заставить задуматься если не войска, обороняющие другие города, то жителей этих городов, чтобы обезопасить свои дома и семьи от разорения, рабства или смерти. Узнав, какая участь ждет их, всегда найдутся желающие предать своих защитников и открыть ворота врагу. Ведь нашлись же они в захваченном Ривгарде. А до того – в Равелтрае. А потом будет город,

ворота которого встретят короля, или уже императора, распахнутыми, а защитники или сами сдадут город, или их тела будут развешаны по стенам.

Между тем, король закончил свою речь и сел. Едва он коснулся трона, как вновь забили барабаны, и на помост завели первую группу – троих мужчин в которых с трудом можно было распознать воинов гарнизона, двух женщин в окровавленных передниках, видимо сестер из госпиталя, и несколько человек в возрасте, скорее всего представителей магистрата. Их развели по помосту, накинули на шеи петли.

– Не смотри, – парнишка подошел и встал перед девочкой так, чтобы она не видела, что будет твориться дальше. Сам он по звуку мог с легкостью определить, когда заведут следующую партию обреченных. Ребенку же не следует видеть то, что произойдет дальше.

– Но вдруг там будут родители? – попыталась протестовать девочка. – Или знакомые, соседи?

– Когда приведут следующих, я отойду, а пока не смотри, не надо, – попросил он ее. – Рано тебе это видеть.

Ниса промолчала. Айр все равно был сильнее и мог с легкостью заставить ее сделать все, что ему нужно. Лучше подчиниться добровольно.

В первых трех группах девочка не признала никого. Как их вешали, а потом тела сбрасывали под помост, смотреть ей не давали, но она сама понимала, что ничего хорошего не происходит.

Но вот вывели очередную группу. Впереди шел мужчина средних лет. Темные волосы чуть длиннее плеч перехвачены шнурком. В руках у него, как показалось Айру, подобие лютни. Он уверенно поднимается на помост, словно идет на выступление, а не на смерть. Рядом с ним женщина. То, что некогда было прической, спуталось, одежда изорвана. Можно только догадываться, что с ней делали, прежде чем отправить на виселицу, но даже сейчас спина ее пряма, а голова гордо поднята. Следом трое молодых людей. Они стараются выглядеть также независимо. Видно, что это одна семья. Следом шли еще люди, но именно эта пятерка привлекала внимание.

Ниса неожиданно дернулась и собралась побежать к помосту, но Айр перехватил ее практически в последний момент.

– Стой! – как он не закричал, не привлек к себе их внимание?

– Там же мама, папа, братики... – принялась разьяснять ему девочка. – Они будут меня искать. Я должна пойти к ним.

– Нет, малышка, – он заставил ее сесть и устроился рядом, по-прежнему крепко удерживая девочку. – Твоя мама спрятала тебя, чтобы ты осталась жива.

Ниса удивленно повернулась и посмотрела на него. Потом развернулась обратно, так что ее волосы стегнули парнишку по лицу, и принялась внимательно смотреть, что происходит на помосте.

Мужчина сделал два шага к краю, после чуть поклонился. И было в его поклоне что-то издевательское. Потом он заговорил. Слов слышно не было. Но было заметно, как король чуть махнул рукой, давая какое-то дозволение. Менестрель снял с плеча инструмент и начал играть. А потом запел.

Расправляет ветер крылья.

Для свободы слов не нужно.

Для свободы нужна только

Вера чистая, как небо

В ясный день, когда лучами

Солнца вся земля залита.

Для свободы нужно песню,
Чтоб она звучала гордо
И восславила всю ценность
Человеческой свободы,
Все красоты человека –
Красоту души и мысли.

Для свободы нужно зная,
Чтоб оно над градом рдело.
И заметно было с неба,
И с земли, и даже с моря;
Чтоб, его увидев, люди
Вспоминали о свободе.

Надо для свободы память,
Чтобы помнить наших предков,
Кто за Родину сражался,
Защищал детей и женщин;
Память, чтоб героев помнить,
Свою жизнь за нас отдавших.

Для свободы нужны крылья,
Чтоб лететь над синим небом;
Чтоб поэту было видно
То, что он пером восславил;
Чтобы люди, его видя,
Не забыли о свободе,
О своей душе и сердце,
Не остыла чтоб их память.

Ниса тихо шептала слова, которые с трудом долетали до их холма, преодолевая ветер, шелест листвы и шум, издаваемый зрителями вольно или невольно. Айр слышал слова песни, произносимые девочкой, и понимал, что Родериус не простит. Накануне Доран успел шепнуть ему, что отец планирует сделать широкий жест – помиловать одного музыканта и его семью. Теперь же, мальчишка был уверен, ничего подобного не произойдет. Хуже, если он узнает, что есть еще один ребенок, он прикажет найти его и уничтожить.

Едва замолк звук струн, король дал знак. Менестрелю первым накинули на шею петлю. Мужчина с легкой улыбкой на губах посмотрел на правителя, потом перевел взгляд на небольшой холмик, на котором маячили две фигурки, одна из которых чем-то напоминала его дочь, и вновь начал перебирать струны, прощаясь с инструментом. В сторону семьи он не смотрел. Видимо, они успели проститься раньше. Он чему-то улыбался. Новая барабанная дробь заглушает хрупкую мелодию. Выкрик одного из руководителей, и в помосте открываются люки. Миг, и тела повисли в воздухе.

Айр больше не заставлял девочку отворачиваться. Пусть это останется в ее памяти. Уж лучше потерять надежду сейчас, чем искать родных по дорогам всю оставшуюся жизнь. Правды ей никто не расскажет, а вот лишиться жизни можно запросто. Когда же веревки обрезают, и тела казненных упали под помост, парнишка поднялся и повел Нису обратно в лагерь.

Девочка молча шла, держась за руку мальчишки. По ее лицу текли слезы, но сама она не проронила ни звука. Вот и все. Она нашла родителей и тут же их потеряла. А они даже не увидели ее, не знают, что она жива.

В лагере их встретил только Кштан, которому вовсе не хотелось смотреть, как вешают людей только потому, что они выступили против захватчика. Ему хватило одного взгляда на детей, чтобы понять если не все, то многое. Так что слуга лишь молча приоткрыл полог шатра, пропуская их внутрь, после чего куда-то ушел, по своему обыкновению молча.

В шатре Айр налил девочке воды. Ниса молча выпила все, после чего села на свою кровать. Мальчик поставил посуду на столик, и вернулся к ней.

– Не буду тебя успокаивать, – тихо произнес он. – Просто запомни этот город, малышка. Запомни Ривгард. Когда ты вырастешь, сможешь вернуться сюда, поклониться своей семье. Знаю, как это тяжело.

Девочка молча прижалась к Айру. Сам он рассеяно гладил ее по голове и думал, что лучший способ уберечь дочь менестреля от смерти – отправить ее к тетке.

– Я ничего не забуду, – неожиданно заговорила Ниса. – Я буду помнить все. А потом я вырасту и отомщу.

В ее голосе было столько уверенности, что парнишке на миг стало страшно. Нет, не за Родериуса, а за эту девочку. И смешно. Сколько мстителей было до нее. Ни один из них не может теперь рассказать о своих попытках. А где их тела – знают разве что палачи. Но те ничего не скажут. Не смогут сказать. Король заботится о своей безопасности.

– Отомстишь, обязательно, – не стал разубеждать он ее. – У тебя получится.

Ниса только тихо всхлипнула, а потом разревелась в голос. Айр не успокаивал, давая возможность выплакать горе. Уже через день лагерь снимется, и войско двинется дальше, к новому городу. Значит, вечером Ниса отправится к тетке, и он больше никогда не встретит эту доверчивую девчушку. А, может, еще встретит. Кто знает, как сложится судьба. Если ему доведется быть в окрестностях Равелтрая, почему бы и не завернуть хоть на полчаса в Косые Сосны, узнать, как она там.

Мечты прервались появлением Кштана. Он положил новую одежду, потом посмотрел на девочку и покачал головой.

– Все готово? – выдохнул Айр.

– Да, – хрипло произнес его слуга. – Я отвел коня в рощу. Сумки припрятал в зарослях. Найти их не должны. Бумаги и дорожные проверил. На всякий случай подписал новые, сказал, вам надо весть отправить домой. Тут курьера не найти. Мало у кого возникнет желание по чужой земле пробираться. А меня не тронут. Для своих бумаги есть, а с людьми договорюсь. Как стемнеет, отправимся.

– Тебе нужны деньги, или пока хватит?

– Есть, – Кштан усмехнулся. – Вы очень щедры, господин.

Айр только покачал головой. Он не щедр. Просто слуга его умеет экономить.

– Хорошо, придем. Но не сразу с наступлением темноты, а немного позднее. Когда люди начнут потихоньку сворачивать лагерь. Будет больше суматохи.

Кштан только кивнул.

– Девочку переоденьте. Да и волосы не помешает подрезать. Будем за мальчика ее выдавать, – он кивнул на ножницы, лежащие на столе.

Айр только кивнул, потом посмотрел на девочку. Та внимательно прислушивалась к разговору.

– Все, малышка, – подошел к ней хозяин шатра. – Тебе пора к тетке. А мне дальше с армией. Кштан отвезет тебя.

Ниса вздохнула, понимая, что у нее нет выбора. Родителей убили. Придется отправляться к тетке. Да, какое-то время придется пожить у нее, но потом она уйдет, найдет себе учителя,

чтобы выучить все то, чему не успел научить отец... А что будет делать после, девочка не думала. Это она решит потом, когда станет хоть вполовину таким мастером, каким был папа.

Когда Кштан ушел, Айр посадил девочку на стол, после чего взял ножницы. Волосы Нисы были не очень длинными. Оно и понятно, в дороге с длинными косами у ребенка никто возиться не будет. Только и надо было срезать несколько более длинных прядок. Получилось не очень ровно, но для их цели хватало. Собрав пряди, он кинул их в жаровню, припратив маленький локон в карман.

– Все, можешь шевелиться.

– А почему мне нельзя остаться? – тут же повернулась к нему девочка. – С тобой хорошо.

– Прости, малышка, – Айр присел напротив нее на корточки. – Я бы оставил тебя с собой, но что тебя ждет потом? Как я объясню дома, кто ты такая. С войны возвращаются или с рабами, или с деньгами. А такие молодые воины, как я, с воспоминаниями о приключениях. Если я приведу тебя к себе, родители решат, что ты рабыня. Ты же не хочешь этого?

– Нет, – покачала головой девочка.

– Поэтому тебе надо уехать к тетке. Я приеду, если смогу. Кштан запомнит дорогу и проводит меня.

– Смотри, – неожиданно упрямо произнесла она, – долго я тебя ждать не буду.

Айр только покачал головой. Так самоуверенно прозвучали эти слова. Так не по-детски решительно.

– Постараюсь успеть.

Он позвал в шатер служанку, чтобы та помогла девочке переодеться.

– Господин, осмелюсь поинтересоваться, вы хотите что-то...

– Девочка отправится с рабами, – жестко произнес он, про себя ругая излишне любопытную бабу. – В той одежде ей будет удобнее. А если вы не перестанете лезть не в свое дело, или сплетни пойдут, отправитесь следом за ней.

– Да господин, – она юркнула внутрь, явно напуганная представившейся перспективой.

Парнишка только покачал головой. Женщины при армии годились для двух дел. Готовить и ублажать тех, кто в том нуждался. Хотя, даже с первым могли справиться повара из мужчин. Он никогда не будет военным, потому что присутствие этих маркитанток не просто раздражало. Хотелось собрать их всех и отправить куда подальше. Например, в работные дома, чтобы занимались делом. А куда они все денутся после войны? Разбредутся по тавернам подавальщицами да в дешевые бордели? Выйдут замуж? Некоторые, но не все. Большинство так и останется никому не нужными.

Вскоре стемнело. Слуги, как и всегда, принесли еду и удалились. Ужин прошел в молчании. Айр не знал, что сказать, а девочка о чем-то напряженно думала. Понятно, что она не хотела к тетке. Но выбора не было. Или она старалась найти вариант, который устроил бы ее?

– Я все равно долго у тетки не пробуду, – неожиданно произнесла девочка с неожиданным даже для ее возраста упрямством. – Как только появится возможность, уйду. Мама ушла и я уйду.

– И куда ты пойдешь? – попытался образумить ее Айр. – Одно дело, когда с семьей по миру колесишь, совсем другое – одной.

– Не важно, – мотнула головой Ниса. – Все равно я для нее лишний рот. Мы все для нее чужими были. Будет через деревню менестрель проходить, я с ним и уйду. Ведь я все-все папины песни знаю. И даже играть немного училась.

– Играть тебя научат, можно не сомневаться. Или сама со временем, – согласился парнишка, после чего продолжил уже серьезно. – А песни повторяй. Каждый день повторяй. Чтобы ни одна не забылась. Когда рядом никого не будет, пой. Только чтобы не услышал никто.

– Почему? – удивилась девочка. – Папа для всех пел.

– Потому что время такое, малышка. Нельзя пока такие песни. Ты пока не понимаешь, но станешь старше, и разберешься, что к чему.

– Ладно, – потрянула головой девочка. Непослушные светлые пряди тут же рассыпались по плечам, и нельзя было понять, кто сидит рядом с хозяином шатра: милая девочка или хорошенький мальчик.

Айр невольно улыбнулся.

– Все будет хорошо. А я обязательно найду тебя.

– Только ты не Нису ищи, – неожиданно потупилась девочка. – Ниса, это мама с папой для краткости звали.

– И как же тебя зовут остальные?

Девочка подошла и прошептала ему на ухо свое имя.

Через два часа лагерь заснул. Если кто-то и заметил две тени, то не придавал им никакого значения. То, что назад вернулась только одна, и вовсе никого не волновало. Люди собирались с силами перед новым переходом. Впереди очередная цель. А в противоположную сторону погонял коня всадник. Ребенка в седле различить могли очень немногие.

Часть 2

Одиннадцать лет назад.

– Ниса! Да где ее демоны носят... – полная женщина в длинном темном сарафане, чуть более темном кофухе и светлой косынке вышла на крыльцо.

Когда четыре года назад странный мужчина привез ее племянницу, Эвхени удивилась. История племянницы, которую тот человек изложил, заставила ее смахнуть пару слезинок. А кошель с золотыми и серебряными монетами окончательно убедил взять сироту, хотя у нее самой уже было семеро. Нет, она бы взяла ее и без денег, куда от родной крови денешься, да и что будешь отвечать духам рода, когда предстанешь перед ними, и спросят они, куда племянница сгинула? Ну а деньги – приятное дополнение. Старшей скоро семнадцать, замуж выдавать, так приданое будет. Разделит его между девочками, никто в обиде не останется. Нисе-то больше выделить надо, все-таки на нее отдавали. Но и сестры ее обиженными не будут. А то, что сейчас не потратят, так на что тратить? В доме какой ни есть, а достаток. Война стороной обошла. От города-то почти одно пепелище осталось. До сих пор не отстроились вполовину того, что было.

– Да, тетя Эвхени, – девочка выглянула из сарая, где обитали козы, – я почти закончила. Сейчас Зорьку подою и иду.

– А, хорошо.

Тетка забыла, что сама отправила племянницу доить коз. Ну а какую работу поручишь, чтобы неприятностей не вышло. Все-таки сильна отцовская кровь оказалась, ох, как сильна. Память и вовсе у девчонки отменная. Вот и напевает постоянно, чтобы ни строчки не забыть. А когда жрец только взялся ее грамоте обучать, и вовсе загорелась идеей потом записать все. Спасибо, отговорить удалось. Не приведи светлые духи, кто найдет такие записи. Менестрели ныне не в почете. Неизвестно с чего, но нынешний король музыкальную братию, что по дорогам пыль поднимает или грязь месит, не жалуется. Всякие там циркачи да актеры пока еще привечаются. А что б песенника уважить, того нет больше. Хочешь петь – пой, но думай, что поешь.

Между тем Ниса закончила порученное ей дело. Набросив потертый полушубок поверх сарафана, она вышла из сарая с ведром молока. Тетка поспешила навстречу. Тяжело все ж таки девке. Молодая еще, силы не те, не удержит еще, разольет молоко. И жди до вечерней дойки. А надо сыры ставить.

– Что-то еще надо, тетя? – девочка подняла голову и посмотрела на родственницу.

– Ничего такого пока, иди нитки с веретен в клубки сматывать.

Девочка кивнула и побежала в дом. То, что ей не поручали никакой работы с другими людьми, ее не смущало. Наоборот, их столько было в доме тетки Эвхени, что хотелось хоть какое-то время побыть одной. Она с детства привыкла, что вокруг менестреля всегда свободное пространство, его никто не толкает, не просит подвинуться, что-то передать, чем-то помочь. Нет, в обычное время они могут и пособить с каким-то делом. Но стоит ему взять в руки лютню, как тут же вокруг становится свободно, шум стихает, люди внимают каждому слову.

Поэтому Ниса и любила оставаться одна. А еще потому, что была возможность повторять все песни, что когда-то пел отец. И не только их. Девочка иногда напевала простенькие мотивы, навеянные последними событиями. О том, какие смешные маленькие козлята, как хорошо играть с котятками, щенками и другие детские песенки. В отличие от большинства песен отца, их ей тетка петь перед другими не запрещала. А иногда на посиделках даже просили спеть или про пузатого щенка, пытавшегося охотиться на курицу, или про маленького козлика, заблудившегося в малиннике. Девочка охотно откликалась на эти просьбы.

Девушки часто просили спеть баллады о героях, любви, чем-то дивном и сказочном, чтобы «сердце от восторга зашлось». Пела Ниса и такое. Тетка головой только покачивала,

когда слышала, но молчала. Лишь раз подозвала к себе девочку, да строго настрого запретила петь песни о свободе да свержении плохих правителей. Потому что не петь ее племянница не могла. Так не проще ли объяснить, каким песням звучать, а каким иных времен дожидаться, дабы беду на всю деревню не накликать. Слышали ее несколько раз и сборщики податей, проверяли, называя песни из тех, что тетка запретила на людях исполнять. Но девочка только качала головой. Мол, что от матери слышала, то и поет. Да вот детские, что сама придумала для малышек. А другому не научена. Солидные дядьки, прибывшие в деревню с караулом, одобрительно качали головами, трепали по щеке да подкидывали медную монетку на леденцы.

Жрецы, заметив талантливого ребенка, предложили тетке бесплатно обучать ее. Немного подумав, та согласилась. Понятно уже, что в деревне племянница счастья не найдет. Так, может, при храме жрицей станет. Им завсегда почет и уважение. Ну и работа легкая, никакого огорода, скотины да кучи детей. И замуж потом выйти можно при большом желании. Да не за деревенского простофилю, а за купца, если не за дворянина. Потому что прошлого у жрицы нет, все стирается, когда она вступает под своды храма.

Понятное дело, таких перспектив никто не раскрывал перед ребенком. Пока ее только учили грамоте, истории, географии, счету да этикету. Прочему же предстояло научиться, если она решит пройти посвящение. Но до этого еще оставалось много времени. Храмовники набирали девушек возрастом тринадцать-пятнадцать лет, не младше. Чтобы они уже понимали, что сами хотят служить богам, а не потому, что родители так сказали. Понятное дело, многие шли потому, что иного пути вырваться из нищеты для себя не видели. Но при большом наборе ученичество заканчивали считанные десятки. Остальных отправляли домой, дав небольшой багаж знаний и новое платье.

Было видно, что жрецы заинтересованы в талантливой девчужке, чувствовавшей музыку, гибкой и подвижной. В обрядах часто танцевали, играли на разных инструментах, и тетка решила использовать этот момент, когда придет время для разговоров о будущем. Пока же десятилетняя девчонка жила обычной жизнью. По дому помогала, с другими детьми в лес ходила осенью за грибами и ягодами, носилась по дорогам, обрывала дикие яблоки. В общем, вела жизнь, как и другие дети. Никто бы не мог упрекнуть Эвхени, что она притесняет сиротку. Может, ласки материнской не хватало, но тут уж ничего не поделаешь. Мать давно у духов предков, а тетка никогда ласковым характером не отличалась. Своих в строгости держала, так с чего бы для чужой через себя переступать. Первое время шептались люди, а потом перестали. Живет сиротка, одета, накормлена. А что не в новом всем, так и свои также ходят.

Сама девочка понимала, что могло быть и хуже. Эвхени приняла ее почти без вопросов. Кштан сказал ей пару слов, после чего Нисе тут же дали кружку молока, краюху хлеба и отправили на крыльцо полдничать. О чем шептались за закрытыми дверями взрослые, так старательно звеня ложками в стаканах с чаем, девочка не знала. Но через какое-то время дверь открылась, Кштан вышел на крыльцо, потрепал ее по волосам и молча пошел к своему коню. А она осталась.

Постепенно воспоминания о нескольких днях в лагере короля Родериуса смазались, ушли в прошлое. Но она запомнила Айра, худощавого мальчишку, Кштана, который заботился о ней, и гордый профиль короля, милостиво позволявшего ее отцу спеть, а после с тем же равнодушием смотревшего на казнь. Возможно, по поводу равнодушия, это уже ее собственные фантазии, но почему-то Нисе казалось, что все так и было. Потому что в ином случае ее семья осталась бы жить.

Девочка понимала, что тетка заботится о ней, как может. О большем было бы глупо мечтать, глядя, как она проходит хворостиной по провинившимся старшим, раздает оплеухи и своим и соседским. Но так не хватало материнских рук, гладящих по голове, когда она болела, или просто становилось грустно. Кукла, чудом уцелевшая в котле войны, да подаренная Кштаном лошадка заняли свое место рядом с подушкой. И старшие ни разу не попытались отнять

их, хотя между собой дрались даже из-за палки, которая изображала боевого коня или саблю. Возможно, тетка что-то им сказала, а может сами догадывались. Спасибо, что приняли, не стала она отщепенкой, с расстояния наблюдавшей за забавами. А все остальное, специально или само так вышло, какая разница. Лет-то сколько прошло? Давно уже со всеми передружились. Ругались, мирились, проказничали. Но все чаще девочка задумывалась о том, что ждет ее впереди. И вспоминала свое обещание тому парнишке, приятелю принца, отомстить за семью. Пока она еще мала, но время придет. И хорошо бы король Родериус дожил до этого времени.

Вместе с тем вспомнилось обещание Айра приехать к ней. Не приедет. Сейчас Ниса уже понимала, что ждать не стоит. Кто он, и кто она. Позаботился о ребенке. Не дал ей умереть или оказаться в рабстве, помог к тетке попасть и на том спасибо. Мог бы так и оставить на том складе, задохнуться от дыма и жары. И, если бы она даже покинула свое убежище, попала бы в руки или одной из обезумевших от всего женщин, или к солдатам, разграблявшим город и не чуравшимся никакой добычи. Так что Айр ничем ей не обязан. И ждать его будет очень наивно.

А может, его и в живых нет. Ведь война, дело такое. Там убивают без разбора. Не важно, что принц и его приятель ходили с охраной. Мало ли на кого наткнулись в одном из городов, а то и вовсе в дороге. Или что-то случилось с Кштаном, и ее спаситель не знает, где искать свою находку. А может, жив, здоров, но есть обязанности, служба, еще что-то. Или просто не хочет с малявкой общаться. Ведь даже тогда он был немного старше, чем она сейчас.

Ниса только вздохнула, по-детски легко отгоняя неприятные мысли, и принялась сматывать спряденную шерсть. Ее саму никто за прялку не сажал, а она и не рвалась. Зато в остальном помогать старалась. Готовила шерсть, после сматывала клубки, помогала стирать, красить, вязала или ткала. Пусть она наметила себе один путь, судьба уже научила ее, что все может быть совсем не так, как хочется. Мама с папой тоже думали, что в это время будут путешествовать по югу, а может, на какое-то время осядут на побережье. Увы, война перекроила все планы, после благополучно перечеркнув их жирным крестом.

Осенью прошлого года они ездили на ярмарку в Ривгард. Тот путь, что она когда-то преодолела за три дня, занял у небольшого обоза неделю. Когда все разместились на постоялом дворе, а на рынке были получены места, тетка осторожно расспросила, где похоронили казненных три года назад защитников города. А потом они вдвоем с Нисой отправились почтить память ее семьи и остальных погибших.

Несмотря на указ короля Родериуса, жители постепенно осушили болотце и привели в порядок большой холм, что был насыпан над ямой, куда стаскивали тела повешенных. Говорили, что несколько человек еще были живы, но никому не дали даже приблизиться к ним. А когда армия ушла, было поздно. Люди погибли под весом наваленных сверху несчастных или тяжестью земли. Сейчас на том месте возвышался аккуратный холм, вокруг него возвели оградку, поставили рядом небольшой алтарь, за которым по большим праздникам и в день казни жрец совершал ритуалы поминальной службы. На ветви деревьев люди повязывали тонкие темные ленты и шнурки в память о том ужасе. А сам холм люди ежегодно засаживали цветами, чтобы они цвели с ранней весны до поздней осени. И даже зимой, если было мало снега, торчали померзшие головки поздних цветов.

Женщина и девочка долго стояли у могилы, склонив головы. Никого не было, лишь ветер шелестел опадающей листвой да в кустах дрались из-за корки хлеба мелкие птицы. Потом Эвхени смахнула набежавшие на глаза слезы, повязала на ветку две ленточки, от них с Нисой, а девочка рассыпала вокруг зерно и крошки хлеба. И они вернулись в город. Потом был торг, покупка необходимого в деревне и дорога домой. На этот раз более быстрая, потому что продали коз и овец, замедлявших прежде движение.

Они никому не рассказывали, куда отлучались. Сестры потом сказали, что догадались, но расспросов не было. Ни к чему. Меньше знаешь – лучше спишь. А им еще женихов искать. Это сестра их может со двора вылететь, и полететь, куда глаза глядят. Старшие же с пеленок знали,

что их ждет в будущем. Хотя тетка Эвхени и дала себе слово, глядя на младшую сестру, что неволить детей свадьбой не станет. И так мать не смогла оправиться полностью после побега дочери. А пока та с мужем и первенцем домой не завернула, и вовсе не знала, что думать. Мельник долго порог их дома обивал, все выпытывал, где невеста его. Словно семья специально девушку спрятала, дабы денег с него выжать. Нет уж. Пусть не будет много денег, но жить будут душа в душу.

Эвхени и саму так выдавали. Муж богатый, и самой хорошо будет. Стало, когда в пьяной драке душа его к предкам отправилась. А до того каждой коркой хлеба, каждым медяком попрекал. Нет, не хочет она детям своим такого счастья. Ни своим, ни дочери покойной сестры. Пусть девочка сама свою судьбу выбирает. Почему-то женщина примерно знала, какой путь выберет племянница.

Ниса же собрала работу и забралась на чердак. Как-то так получилось, что это место было полностью предоставлено девочке. Раньше там играли дети тетки в плохую погоду. А теперь было пусто. Девочке выдали старые одеяла, которые она расстелила по полу и с помощью сестер развесила по стенам. Стало теплее, к тому же они скрадывали звуки, и можно было петь. Два больших окна с противоположных сторон днем давали достаточно света, чтобы делать там порученную работу. А с чем-то можно было справиться и в полной темноте. Те же клубки смотреть много света не нужно. Главное – услышать, когда будут звать к столу. А то было уже, что, задумавшись или вспоминая старые баллады, она забывала обо всем. Понятно, тетка не забудет, пошлет кого-нибудь позвать. Но подшучивать потом будут долго.

Работы на вечер набралось прилично. Накануне погода не радовала, метель поднялась. Даже старшие девушки, которые проводили вечера на посиделках, где больше болтали и смеялись, чем работали, остались дома. Девочка поставила веретено в специальную подставку и принялась за работу, напевая одну из старых баллад о том, как большое войско смогло сразить дракона.

Сталь ударялася о сталь,
Над полем вороны кружили.
Как мало мы с тобою жили,
Но не о том моя печаль.

На поле бой кипел кровав,
Уничтожали нас жестоко.
Жизнь мирная была далеко,
Но ты был с теми, кто был прав.

Средь звона стали, свиста стрел
Со смертью рядом мы ходили,
Покрытые могильной пылью
И кровью. Тот, кто уцелел,

Быть может, вспомнит этот бой,
О нас расскажет менестрелю,
Ты тех, кто пал и уцелел,
Геройской песнею воспой.

Я помню, как мы в бой пошли,
Враги пред нами как бежали,
Как наши стрелы их сражали.

Они на поле б лечь могли.

Но, помню я, как из-за гор,
До времени где выжидая,
Стервятников собой пугая,
Объятый пламенем дракон

Поднялся. Жег он сталь и кровь.
Огнем стал день. Летя стрелою,
Он ослеплял, солнце собою
Он закрывал. Он вновь и вновь

Над полем боя проносился,
Сжигая на своем пути
Всех, кто не мог бежать, идти.
Крик смерти в воздухе кружился.

Мы погибали, но дракона,
Колчаны наши расстреляв,
Убили. С неба он стремглав
Упал. Удар, и нет дракона.

Победа дорогой ценой
Далась. Запомните героев,
Вернувшихся домой из боя.
Двадцатая едва ли часть

От многотысячного войска
Осталась. Мы на смерть пошли,
Но сколько жизней сберегли,
Не знаю. Может, кто сочтет,

Не мы. В бою мы полегли,
Не отступили и погибли.
Но мы – герои этой битвы,
Мы сделали все, что смогли.

И может быть пройдут года,
Но будет жить в народе память
О тех, свое кто поднял знамя
Против дракона. Никогда

В дома свои нам не вернуться,
Не встретить больше нам семей,
Своих детей и матерей.
Быть может, в песнях отзовутся

Наши дела и этот бой,
Дракона смерть и кровь героев,

Обет, которые, исполнив,
Лежать остались под горой.

Нас помнят – значит живы мы,
И наши битвы не напрасны –
Сияет солнце в небе ясно,
И звезды по ночам видны.

«Расправляет ветер крылья...» Каждый раз, когда она вспоминала о семье, Айре, и том, как все это сплелось в ее жизни и вылилось в настоящее, вспоминалась и эта песня. Последняя, которую исполнил ее отец. Та, которая будет преследовать короля Родериуса. Нет, не сейчас. Рано. Надо подрасти, найти учителя. А вот потом она найдет способ рассказать всю правду о добром короле. Напишет новые песни, где расскажет о жестокой осаде, грабежах, казни защитников. О том, что король предоставлял людям только один вариант для выбора: предательство или смерть.

Понятно, что не до всего девочка дошла сама. Что-то она подслушала в разговорах взрослых, что-то рассказывал жрец, сам не понимая, на какую благодатную почву падают его слова, и даже не догадываясь, какие плоды они принесут. Девочка внимательно слушала все и впитывала в себя, сравнивая с тем знанием, которое получила в Ривгарде.

– Ниса, обедать! – раздался приглушенный тканями голос.

Отложив в сторону работу и собрав то, что успела сделать, она поспешила вниз.

Конь резво бежал по хорошо утоптанной дороге. Если специально не присматриваться, можно и не заметить, что не так давно на этих землях шла война. Только кое-где вдруг мелькнет среди кустов печная труба, или среди сухой травы станет заметна зола – следы пожаров, в которых исчезали небольшие деревни. За четыре года природа почти скрыла нанесенные ее телу раны, но не до конца. То тут, то там росли плодовые деревья, кое-где стояли воткнутые в землю, покрытые ржавчиной столбики, некогда служившие жителям коновязью, а в земле кое-где еще встречались добротные крышки – следы бывшего на этом месте подпола. А если обогнуть заросли малинника, то можно было выйти к каменной стене – некогда там стоял богатый дом. Об участии его хозяев, равно как и остальных жителей деревни, можно было только догадываться. Но явно ничего хорошего не ждало их, раз не вернулись люди к прежнему месту жительства.

Конь всхрапнул, после чего сбавил ход. Юноша, направил его в сторону большой яблоневой рощи. Когда-то тут был небольшой сад, но люди не вернулись в разоренное поселение, деревья, предоставленные самим себе, разрастались. Молоденькие яблоньки тянулись к свету. Деревья дичали, плоды их мельчали, становились кислыми. И все равно в ветвях круглый год стоял птичий гомон, а в конце осени в рощу начиналось паломничество всевозможных лесных обитателей от ежей до медведя, наедавшего жирок для спячки. Но в начале зимы в роще было пусто. Птицы сидели по гнездам, настороженно следя за чужаком. А зверям и вовсе нечего было днем делать так близко далеко от чащи.

Съехав с дороги, всадник какое-то время следовал вдоль рощи, потом повернул к разросшемуся без присмотра малиннику, окружившему одинокое дерево.

– Ваша милость, – спутник юноши хмуро смотрел на почерневшее яблоко, каким-то чудом висевшее на ветке, чуть припорошенной снегом, – его императорское величество пожаловал вам во истину отличные земли.

Если бы интонации могли влиять на человека, можно было бы не сомневаться, что императору Родериусу добавилось бы еще несколько лет жизни, столько угодничества было в словах этого мужчины.

– Да, – покачал головой юноша, – земли, напоенные кровью, удобренные золой пепелищ. Земли, которые много лет могут обильно плодоносить без удобрений. Земли, обитатели которых проклинали нашего правителя, и только чудом эти проклятья еще не осуществились.

– И что вы планируете делать, ваша милость? – поинтересовался мужчина, явно готовый запоминать все, а после приняться за исполнение.

– Планирую... – юноша задумался. – Я хочу вернуть сюда людей. Мы отстроим новые деревни, восстановим сады и пашни. Да, на это нужно время. Но надо же начинать. Весной я хочу начать постройку, скажем, пока коттеджа. Думаю, расположить его за яблонево́й рощей.

– Думаете, это уместно здесь, – заговорил другой спутник. – Ведь на этой земле гибли люди. Кто знает, вдруг души погибших будут против.

– Сомневаюсь, Кштан, – юноша тоже посмотрел на одинокое яблоко. – Думаю, они были бы рады, если бы сюда вернулась жизнь, на том месте, где когда-то были поля, снова заколосилась рожь, на лугах паслись стада, и везде слышался детский смех. Понимаю, звучит глупо, но я надеюсь, что хотя бы к концу своей жизни смогу этого добиться. Мы расчистим новые участки под деревни, а на тех местах, где стояли дома, разобьем рощи. Думаю, так будет справедливо.

– Я отпишу вашему батюшке, чтобы по весне он прислал сюда строителей, – поспешил с ответом первый из сопровождавших юного виконта. К тому времени вы решите, какой именно коттедж планируете строить, и во что потом думаете его превратить. Как раз лес из тех мест, где вы планируете строить новые дома, пойдет на постройку. И да, пусть пришлют садовников, они помогут с рощами.

Второй мужчина продолжал осматривать окрестности. Лицо его было все еще сурово, но уже не столь мрачно, как сначала. Планы молодого господина его радовали. Главное, чтобы хватило времени, чтобы гнев императора внезапно не обрушился на его голову, чтобы люди поддержали, пришли в новые деревни. Чтобы мастер Комчи не наговорил лишнего во время своего доклада.

Пожалование императора оказалось неожиданным не только для молодого оруженосца, но и для всех, кто постоянно обитал во дворце. Одни поговаривали, что таким образом его величество решил подкупить верного друга его сына, другие считали, что, напротив, земли должны укрепить его преданность короне, третьи, не стесняясь, намекали на противоестественные отношения между принцем и юношей. Понятно, были и четвертые, которые полагали, что отношения имеют место быть, но не с принцем. С кем – многозначительно умалчивалось, лишь взгляд не менее многозначительно принимался изучать что-то наверху.

И принц, и его друг были в курсе всех перешептываний, но благоразумно делали вид, что ничего не знают. На самом деле и титул виконта, и земли на завоеванных территориях пожалованы были за дело не самое лицепрятное. Можно было бы назвать их взяткой. Просто юноша оказался в нужное время несколько не в том месте и смог предотвратить скандал. Одна юная девица при дворе после ночи с императором решила наложить на себя руки. И не тихо в безлюдном месте, а на публике. Отговорить ее от этого стоило больших трудов.

Разумеется, для семьи и прочих использовалась официальная формулировка «За верную службу». А уж как ее расшифровывали, молодой виконт предпочитал не задумываться. Кто-то другой на его месте продал бы пожалованные земли, а на вырученные деньги приобрел небольшое поместье ближе к столице, вот только он не спешил с этим. И на то были две причины. Первая – из прошлого. Разоренные деревни и города все еще стояли перед глазами Айра. А вторая должна была жить где-то недалеко.

«Расправляет ветер крылья, – мелькнуло в голове юноши. – Расправляет. Только не тот ветер, которого император опасается. А совсем другой. Который он не ждет».

Постаравшись сохранить и дальше спокойное выражение на лице, виконт снова повернулся к спутникам.

– Мастер Комчи, осмотрите местность, потом представите список, что надо сделать, кого нанять, какие материалы понадобятся на первое время. У нас с Кштаном еще одно дело осталось. Встретимся вечером в гостинице.

– Как вам будет угодно, – поклонился один его спутник.

Второй только толкнул коня пятками в бок, направляя в сторону дороги.

И снова путь по владениям, через места, где некогда жили люди, а теперь только деревья и кусты напоминают о том, что территория некогда была обжита. Юноша с тоской смотрел на пустынные места, постепенно зарастающие лесом, а кулаки сами собой сжимали поводья. Если бы не перчатки, на ладонях давно бы остались следы от ногтей. Кровоточащие следы. Буря в душе Айра не прекращалась с того момента, как он узнал о пожаловании. А когда Кштан рассказал ему, какие деревни расположены неподалеку, то стало еще хуже. К переживаниям, касающимся планов, прибавилось волнение.

– Показывать дорогу? – осведомился Кштан, когда они оказались достаточно далеко от их спутника. Пусть мастер Комчи успел зарекомендовать себя верным человеком, верен он был, прежде всего, семье, и только потом младшему отпрыску. А тайна, в которую были посвящены несколько человек, так и оставалась тайной.

– Завтра, – после напряженного размышления откликнулся юноша. – Сегодня я... Я просто не знаю, как покажусь перед ней. Тогда все было просто, мы были детьми. Я, взбалмошный мальчишка, пожелавший подвигов, она – маленькая девочка, оказавшаяся одна посреди охваченного пожаром войны города. А сейчас?

– А сейчас она – пусть и не такая маленькая, но все еще девочка, – заметил воспитатель Айра. – А вы, хоть и повзрослели, но не на столько, чтобы можно было поставить вам в укор интерес к обычной девушке. Еще несколько лет, и люди могут истолковать ваш визит превратно.

Юноша задумался. Потом заметил, что еще немного, и конюх будет долго отчитывать его за состояние конской сбруи.

– Хорошо, – наконец решил он. – Показывай.

Дорога к деревне оказалась широкой, накатанной, словно за лесной полосой скрывался еще один город. Не такой ее запомнил Кштан, когда впервые с маленькой Нисой добирался сюда. Тогда это была малохоженная тропинка, ведущая к небольшому поселению, дворов так в двадцать, не более. Еще была небольшая мельница чуть поодаль, на берегу бурного ручья, да кузница несколько ниже по течению. Понятно, что войска, даже если и узнали об этом месте, не стали сворачивать с основного тракта ради небогатой добычи.

Теперь же дорога заставляла задуматься, что на самом деле представляла собой эта деревенька. Скорее всего, разрослась. Жители разоренного города вполне могли найти укрытие, да так и остаться жить на новом месте. Поставили дома, развели огороды, скотину завели. Пусть тяжело первое время, но освоились. Сначала соседи помогали, потом сами научились. В город же ездили или проведать родню и соседей, которые отказались уехать, или что-то продать, что-то купить.

– Это мои земли, – уточнил Айр, или уже императорские?

– Ваши, – усмехнулся Кштан. – Вот, заодно с жителями пообщаетесь, ваша милость, о природе, погоде, налогах...

– Нет, – решительно ответил виконт. – Более того, я не хочу, чтобы они знали, что я – их новый господин. Пусть себе живут спокойно.

Кштан только усмехнулся. Что ж, раз его хозяин так хочет, почему нет. Может, даже лучше выйдет. Посмотрит, как люди живут, потом мнение свое составит. Все равно земли вложений требуют. Хорошо, если первый доход с них лет через пять появится. А то и дольше ждать придется. Деревни должны отстроиться, сады вырасти, птица и скотина расплодиться. Только тогда можно речь о налогах заводить. А до того времени тоже дожить надо. Коли ты так

близко к императору находишься, в любой момент можешь, в лучшем случае, в свое поместье отправится. И то повезло единицам, остальные кто в камерах, а кто казнен.

Деревня, представшая перед путниками, существенно отличалась от того, что было несколько лет назад. Скорее это был небольшой городок, разбросанный среди леса. Сами деревья далеко отступили от центральной улицы. Что-то пошло на новые дома, которых едва не три десятка появилось, что-то на прочие постройки или просто свели, потому что надо было расчищать пространство. Поля, насколько знал Кштан, лежали по другую сторону лесной полосы. Люди знали, как уберечь себя от нежелательных визитов. Хотя, теперь дорога выдавала зажиточную деревню.

– Еще немного, – заметил виконт, и тут второй Равелтрай возникнет.

Его воспитатель только хмыкнул. Город вряд ли появится. Но в случае новых военных действий плохо будет уже всем: и городским, и деревенским. Больше не отвлекаясь, Кштан принялся вспоминать, где находился дом, в котором жила тетка Нисы. Дело кончилось тем, что он подозвал к себе одного из мальчишек, что неподалеку лепили снежную крепость. Хотя, судя по тому, как они поливали ее водой, крепости предстояло стать ледяной.

– Мальцы, вы, случаем, Нису не знаете?

– А вам по что? – мальчишки бросили свою забаву выстроились перед конными.

– Не бойтесь, не обидим, – в том им ответил Кштан.

– А чего нам бояться, мы просто не скажем, – заметил один.

– Откуда мы знаем, вдруг вы к нам с плохими мыслями, – поддержали его товарищи. – Нам много чего рассказали те, кто из города пришел.

– Может, вы ее тоже увезти хотите, как давеча пришлого менестреля увезли, – нахмурился главный. Выглядело это забавно, но только мужчинам было не до смеха.

– Нет, – заговорил Айр, – против воли мы ее никуда увозить не станем. Только если она захочет того сама, а ее тетка одобрит. Могу поклясться, если надо. Только скажите, чем.

– А я, кажется, видел этого мужика, – глядя на Кштана, задумался один из старших. – Только давно оно было, почти сразу, как Ривгард сожгли.

– Да, я был здесь, в это время, – кивнул мужчина. – А потом появилась Ниса. Верно? Или не помните?

– А, – так это вы ее сюда привозили, – мальчишки успокоились. – Да все там же они живут. Никуда не делись.

– Это я помню, – хитро усмехнулся Кштан, – третий дом по второму переулку, если сразу по дороге ехать. Да только тогда у вас дворов двадцать было, а сейчас вон сколько понастроили. Какой теперь переулок будет – и не скажешь.

Наверное, последнее замечание окончательно успокоило ребят, и шумная стайка побежала показывать дорогу.

Кштан внимательно следил, где они проезжают, запоминал свои мелочи, чтобы, если судьба вновь заведет сюда, а он не сомневался, так и будет, можно было найти двор тетки Эхени. С ней еще придется находить общий язык хотя бы для того, чтобы отстаивать интересы мальчишки, неожиданно ставшего крупным землевладельцем.

Сам Айр пока о таком отдаленном будущем пока не задумывался. Слишком оно было туманным. Сегодня он виконт, а завтра его голова присоединится к тем, что украшают ограду вокруг императорского дворца. Пока он только одно знает точно – сегодня ему станет известно о судьбе Нисы чуточку больше. Даже если девочки нет дома, тетка расскажет ему все, что только возможно.

По мере того, как они приближались к нужному дому, юноше все больше казалось, что это не самая лучшая идея, приехать вот так вот, не предупредив. Да, он не собирались сообщать, что перед ними владелец всех окрестных земель, что простираются до реки, перед городом, включая их деревню. Нет, это было бы последнее, что он мог сообщить нормально. Далее

бесконечные поклоны, переглядывания и молчание, чтобы не сказать чего лишнее. Ну и тихие шепотки, когда кажется, что он ничего не видит, и перемещения жителей из дома в дом – предупредить, спрятать ценности, одеться поплотнее. Пусть господин видит, что взять с них нечего. Он не за налогами приехал. Да и их лично собирать не будет. Для этого есть мастер Комчи. Разве что иногда контролировать его самого, но для того найдутся другие люди.

Следующее, что пришло ему в голову – а что именно он скажет Нисе при встрече? Мало того, что вот так явился, так еще не придумал, о чем поговорить с ней хочет. Мелькнула мысль, что едет он не к девушке, дочери соседа по имениям, а к ребенку, которого спас когда-то давно. Но она не развеяла его напряжения. Лишь когда Кштан свернул к одному из домов, спрыгнул с коня и обмотал поводья вокруг поддерживающего забор столбика, Айр мысленно махнул на все рукой.

А с крыльца уже бежала к ним худенькая девчушка лет десяти в одной простой рубахе и юбке, разве что ноги сообразила в валенки сунуть.

Айр едва успел спрыгнуть с коня, потому что норовистая зверюга не подпускала к себе никого, кроме Кштана и хозяина.

Добежав до мужчин, девчушка остановилась и принялась их рассматривать с удивлением во взгляде. Потом радостно улыбнулась и повисла на шее у Кштана.

– А я знала, знала, что вы приедете, – радостно сообщила она, после чего принялась обниматься с Айром.

На шум на крыльцо вышла тетка девочки. Увидев Нису, висящую на приезжих, женщина быстро поняла, кто почтил визитом их дом. Больше никого она так не желала снова увидеть. Больше ни о ком не говорила так часто. Даже о родителях. Но там все было ясно, не приедут, не встретиться им больше. Эти же люди спасли, не дали пропасть, к родне доставили. Пусть она пробыла с ними несколько дней, иной раз такие вот чужие самыми близкими становятся.

– Ниса, что ж ты, – когда девочка перестала висеть на приезжих, позвала ее тетка, – зови гостей в дом. Не посреди улицы же разговоры вести будете.

– Ой, проходите, пожалуйста. А коней можете тут, – она махнула рукой на столб последи пустого пространства, – привязать. Никто не уведет, не бойтесь.

– Да мы не боимся, – улыбнулся Кштан. – Этих животных увести не так просто. Чужих они к себе не подпустят даже за морковку или краюшку.

Кони так и остались по другую сторону забора, а гости поспешили в дом, где хозяйка спешно кипятила воду да выбирала соленья получше да варенья послаще.

Гости тоже прибыли не с пустыми руками. В седельной сумке Кштана нашлись гостинцы и детям и хозяевам. То ли память крепка оказалась с прошлого посещения, то ли справки наводил, уже не узнаешь. Сыновья хозяйки новые ножи получили охотничьи, дочерям ленты да зеркальца карманные, редкость в их местности, такие только начали в столице делать. Самим хозяевам покрывало на кровать расшитое. Но самый главный подарок получила Ниса – маленькая лютня, чтобы девочка заново училась играть на инструменте. Понятное дело, инструмент тут же был пущен в ход. Пусть прошло время, но память оказалась цепкой, девочка довольно быстро настроила его и провела пальцами по струнам. А потом медленно заиграла одну из тех песен, что любили слушать девушки на посиделках. Мелодию она не знала, подбирала частью по памяти, частью просто чтобы звучало хорошо.

– Что хотите, думайте, – вздохнула ее тетка, – но не смогу я ее в деревне долго удерживать. Да и не место ей здесь. Родилась в кибитке в дороге, привыкла к ней. Вижу я, что тяжело на одном месте сидеть. Да только отпустить не с кем. Мала еще, а что б можно было кому доверить, таких людей к нам не заходит.

– Трудно сейчас бродячим артистам приходится. Менестрели нынче у правителя не в почете, – заметил Кштан. – Не скажу, чтобы гонения на них были, но жизнь осложнили. Хочешь выступать – заранее согласуй, на какой срок в городе, где останавливаешься, что

петь собираешься. Циркачам проще, собачки на задних лапках побежали, покувыркались через голову, жонглер кегли, ножи или факелы покидал, акробатка показала свои трюки, ничего крамольного. Театры тоже стали больше про принцесс и драконов представления показывать, или еще что безобидное. А вот менестрелей император не любит. А все за ту самую песню.

– Оно и понятно, – сразу поняла намек тетка Эвхени. – А коли узнают, чья это дочь, и вовсе хорошего не жди. Жрецы к себе в школу взять согласились, но пойдет ли сама Ниса учиться.

– А почему бы не пойти, – заметил Айр. – Ученье полезным завсегда будет. Что дворянину, что купцу, что менестрелю. В жреческих школах плохому не научат. Напротив, и песни новые, и на инструментах играть, и обхождению, чтобы в доме знатном, если вдруг пригласит кто, не выставить себя деревенщиной неотесанной, словно всю жизнь в глуши провел, людей не видя.

Тетка только кивала согласно. Сидящая рядом со своим спасителем девочка тоже внимательно прислушивалась к его словам.

Потом настал черед Нисе рассказывать, как она тут живет. Эвхени порывалась уйти, чтобы не мешать девочке, но та сама непустила. Все равно скрывать нечего. Да, не так хорошо, как с родителями, но могло и хуже оказаться. А если соседки слухи какие распускают, что девочке работы непосильной дают, почти из дома не выпускают, да еще чего наговорить могут – то от незнания, а не потому, что так оно и есть. Работы в меру, и сложной ее не назвать. Гулять самой не всегда хочется, разве что на посиделки, и то не часто. Девушки все петь просят, да все одно и то же. О любви, да о влюбленных. Самой Нисе больше нравились баллады о героях, их подвигах, сражениях с чудовищами или врагами. Но такое просили изредка, кто-то из ребят, когда о любви слушать надоедало.

С братьями и сестрами тоже никаких проблем не было. Тем сначала просто жалко сиротку было, куда такую задирать да обижать. Им самим чудом повезло, враг мимо прошел, в лес не забирался. А то неизвестно, где бы все были. Потом сдружились постепенно, Ниса участвовала в проказах наравне со всеми, и получала ровно столько же. Никогда не жаловалась, зачинщиков не выдавала, так что девочку приняли не только родные, но и дети из других семей. Только все равно чувствовалось, что она другая. Успела многое увидеть, узнать. Не всем ее рассказам верили, но вруней тоже дразнить не спешили. Особенно, когда прибывшие из Равелтрая взрослые подтверждали ее истории.

– Вот так и живем, – подвела итог рассказу девочки тетка Эвхени. – Все как у всех. Где-то лучше, где-то хуже, но тут уж кто как оценит.

– Айр, а ты про себя расскажи, – попросила девочка. – Ты же много где был, много чего видел. Расскажи.

Юноша посмотрел на Кштана, но как раз в этот момент тот отвернулся к окну. Помощи ждать было неоткуда, придется самому думать, что рассказывать, чтобы не отпугнуть этих простых людей.

– Да как-то мне особо и нечего рассказывать, – решил Айр. – Его величество через три месяца принял капитуляцию герцога Оршенского, после чего часть войск осталась наводить порядки, а остальные вернулись в столицу. Я почти сразу отправился к семье. Потом снова вернулся в столицу и при его высочестве состою. У нас ничего интересного не происходит. Император постоянно меняет министров, при дворе все напряжены, бояться подозрений в измене. Так что мы просто стараемся лишнего внимания не привлекать. Если вы ждали рассказов о балах, охотах и прочих меропрятиях, то порадовать вас не могу.

– Главное, ты приехал, – торжественно заявила Ниса.

– Ты, сынок, осторожнее будь, – посоветовала Эвхени. – Пусть мы в глуши живем, но слухи и до нас доходят. Не все в них верят, но ты сейчас подтвердил кое-что. Да что уж там, многое подтвердил.

– Мы осторожны, – спокойно произнес Кштан. – Его высочество сам понимает, чем любое неосторожное действие грозить может. Пока Айр при нем состоит, можете не волноваться. Нам неприятности тоже не нужны. А то сегодня наследника в опалу, а кто завтра во главе страны встанет? Принцессы малы еще, слабы здоровьем, а матери их скончались. Соседи слабость почувствуют, навалятся всем скопом, потому как каждому есть что припомнить, и все заново начнется. Его высочество понимает, чем все может быть чревато.

– Да, – согласилась женщина, – не хотелось бы новой войны. Пусть его высочество острожен будет.

Ниса же просто сидела рядом с Айром, уже не вслушиваясь в слова взрослых. Главное, ее спаситель приехал. А остальное не так важно. Подумаешь, нигде не был. Она тоже последние годы нигде не была, кроме могилы родителей. А потом только до ближайшего города на ярмарку ездили. И все. Может, потом, когда-нибудь, им будет что рассказать друг другу о дальних краях и своих приключениях.

Так они и проговорили обо всем и ни о чем. Когда начало темнеть, гости принялись собираться.

– Так остались бы, – предложила тетка Эвхени. – Куда ж вы, на ночь глядя-то?

– Надо. Не одни мы, с нами и другие люди. Если не вернемся до ночи, тревогу поднимут, – объяснил Айр, не вдаваясь в подробности.

– Ну, коли так... – настаивать никто не стал.

Коротко простившись с гостями, женщина ушла в дом. Понятно, что люди они не простые. Часть того, о чем недоговаривали, она поняла. Не для девочки такие рассказы. Часть и для нее загадкой осталась. А если слухи вспомнить, которые ходили, будто бы земли их кому-то отдали, и вовсе голова шла кругом. Ну да то ее мысли. Делиться ими она ни с кем не собирается. Уж не с Нисой так точно. Пусть племянница попрощается с гостями. Еще неизвестно, сведет ли их жизнь снова, или разведет окончательно.

– Пора нам, – юноша попытался скорчить задорную рожу, но на этот раз получилось не очень хорошо. – Ты тетку слушайся, она тебе плохого не желает.

– Знаю, слушаюсь, – выдохнула девочка. – А с тобой нельзя?

– Было бы со мной куда, – развел руками Айр. – Кштан соврать не даст. Сегодня я здесь, завтра там, послезавтра и вовсе неизвестно. Одним днем живем, в будущее не заглядываем. Хорошо, если судьба даст еще раз встретиться. А если нет, помяни добрым словом в молитвах своих.

Ниса крепко обняла юношу. Несколько секунд они простояли так, потом он осторожно расцепил ее руки и сбежал с крыльца. Кштан потрепал девчушку по голове и последовал за своим воспитанником.

В город мужчины возвращались молча. Каждому было о чем подумать. Мысли Кштана были спокойными, неторопливыми. Убедившись, что у девочки все хорошо, он успокоился. Впрочем, иначе и быть не могло. Он же с людьми в свое время поговорил, убедился, что оставляет ребенка в надежной семье. В противном случае вернулся бы с ней обратно в лагерь. А что наговорить любопытным, нашел бы. Мол, хотели продать, но в цене не сошлись. Или что господин передумал, и решил себе девочку оставить. У него сестренка такого же возраста должна быть, матушка по ней все грустит, вот замену нашли. Пусть сиротку растит.

Сейчас мужчина еще раз убедился, что женщина прекрасно понимает, что нужно девочке. Даже разговор о школе завела. Понимает, что ребенок не будет в деревне жить, не ее это. А к жрецам – хорошо. После их школы девочки в жизни или так или этак хорошо устраиваются. Кажется, у барона Дамильтора невестка как раз из жриц. И никто на происхождение не смотрит. Напротив, дворянские семьи и сами не против девочек туда отдавать. Потому что учат

там основательно. В жизни неизвестно, что впереди ждет. Может, богатство, а может нищета. Император Родериус славится непредсказуемостью.

Мысли юноши были не такими спокойными. Айр сомневался, не стоило ли забрать Нису с собой. С другой стороны, девочке нечего делать во дворце. Начать с того, что она бы и сама не согласилась жить под одной крышей с убийцей родителей. К тому же ему не хотелось привлечь к ней лишнее внимание. А оно возникнет, едва узнают, кто она такая, что за покровитель за ее спиной. Если же покровитель впадет в немилость, а это случится сразу, как император узнает, то головы полетят у всех. И Ниса не станет исключением. Или Родериус заберет симпатичную девочку в свои покои на пару дней, а потом, наигравшись, отдаст солдатам, или казнит. Если же до императора слухи чудом не дойдут, ее предпочтут использовать для шантажа. Так что, пусть все будет как есть. Пусть она останется для него светлым воспоминанием.

Городские ворота уже были закрыты, но стража, заметив приближающихся всадников, поспешила открыть небольшую дверцу. Накануне их строго предупредили, что виконт состоит при наследнике, а потому вхож и к самому императору. Этого оказалось больше чем достаточно. Стажа прекрасно понимала, чем малейшая жалоба грозит не только им, но и семьям, и сослуживцам. Приказ о казни всей смены – такая ерунда. В городе достаточно людей, оставшихся после войны без работы. Еще больше тех, кто прибыл сюда в поисках лучшей доли. Кто-то, поняв, что ничего хорошего их здесь не ждет, отправлялся дальше, кто-то записывался в стражу, кто-то пытался заниматься делом, или пополнял ряды преступников. Освобождение нескольких мест пойдет городу на пользу.

Люди ждали, не потребует ли господин открыть нормальные ворота, чтобы он мог проехать, но нет, обошлось. Юноша молча спешился и повел коня за собой. Его спутник последовал за господином. Едва калитка за спинами захлопнулась, мужчина постарше, слуга, бросил страже небольшой кошелечек. Командующий поймал его, удивившись тяжести.

– На всех, – бросил мужчина, потом добавил, – я ведь могу и проверить.

Поймавший мешочек закивал. Может, еще как может. С господами лучше не ссориться. И не важно, свободный он или раб. Все равно у него больше прав, чем у обычного горожанина. Пока эти мысли неслись в его голове, путники успели удалиться от ворот и свернули на улицу, ведущую к центру города. Оставшийся путь занял немного времени. Еще раз свернув на одну из боковых улочек, они остановились около добротной таверны, которую предпочитают купцы среднего уровня. Дорогие гостиницы центра к своему удивлению так и не дождались виконта.

В полупустом общем зале никого из сопровождавших не было. Но это особо не беспокоило Кштана. Если захотят, они всегда узнают, когда господин соизволил вернуться. Те же слуги за медяк-другой время укажут, а если еще больше приплатить, и подробности вспомнят: какое настроение было, трезв или пьян, твердо ли на ногах стоял.

– Велите подать ужин? – поклонился один изслуги.

– Да, – распорядился Айр. – И не забудь, мне чаю, а не вина, как в прошлый раз.

– А вы что пожелаете, господин, – обратился он уже к Кштану.

– Пива кувшин. Да что б нормального, а не разбавленного, кое вы обычным посетителям подаете. С поклоном и заверениями, что все будет в лучшем виде, слуга удалился.

Припозднившиеся гости заняли место в дальнем углу, так чтобы видеть входящих, но самим не сразу бросаться в глаза.

– Что будешь говорить, если завтра спросят? – поинтересовался у своего воспитанника Кштан.

– Объезжал новые владения, – пожал плечами юноша. – Пообщался с жителями. Осторожно выяснял, что тут как. Что растет хорошо, с чем не связываться лучше. С чем хорошо все, в чем сложности. Понятно, не открывая, что я новый хозяин, а так, будто земельки прикупить решил.

А что еще говорить. Размеры податей, цены и прочие моменты они успели выяснить или у казначея, или на местном рынке. Но всегда были свои особенности. В одном месте скот лучше разводить мясной, а в другом молочный, где-то хороший урожай дают яблони, а где-то вишни. Так что такие вопросы не должны были вызывать подозрения. А уж тетка Нисы им рассказала много полезного, сама того не зная. Да и в наблюдательности Айру не откажешь. Пусть и зима еще, но приметил, что больше народ яблони сажает да смородину.

Пока ждали ужин, да и потом, пока сидели за столом, мужчины о поездке не заговаривали. Все больше речь шла о планах, что сажать, кого разводить, как вопрос с арендой решить. Обычно новые хозяева повышали плату за пользование земли. Айр же думал, напротив, первое время платить требуемые деньги из своего кармана, чтобы привлечь людей на новые земли.

Кштан молча попивал свое пиво, не торопясь с советами. Разве что иногда вставлял пару слов, напоминая об увиденном или делаясь откуда-то полученными знаниями. Юноша только хмурился, но требовать, чтобы его воспитатель открыто высказал свое мнение, не было никакого толка. Все те годы, что Кштан был рядом, он никогда не говорил, как надо поступать. Помогал разобраться в совершенных поступках, осознать ошибки, но никогда не ругал, никогда не указывал, как должно. До всего этого Айр всегда доходил сам. Со временем юноша, конечно, мог спросить, как бы поступил сам воспитатель. И тот делился своими соображениями, но все равно окончательное решение было за воспитанником. А сейчас ему предстояло разрешить не самый простой вопрос. От ответа на который зависели судьбы других людей.

Видимо, юноша все-таки пришел к чему-то, поскольку кивнул своим мыслям и куда более активно принялся за еду. Его наставнику оставалось только гадать, какое именно решение было принято, и надеяться, что здравомыслие победило юношеское желание облагодетельствовать всех и вся словно в противовес поведению монарха. Подобное не сказать, чтобы жестоко каралось, но не приветствовалось. Во всяком случае, если не имело под собой разумного обоснования. Впрочем, вскоре Айр заговорил сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.